

Л. Щепотьев

**Ближний боярин Артамон
Сергеевич Матвеев как
культурный политический
деятель XVII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Щепотьев**
Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века / Л. Щепотьев – М.: Книга по Требованию, 2016. – 152 с.

ISBN 978-5-458-54579-2

Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682) – русский государственный деятель, великого государя ближний боярин, дипломат, стрелецкий голова, наместник Серпухова. Служил на Украине, участвовал в войнах с Польшей. В 1654 входил в состав русской делегации на Переяславской раде, в 1656–57 – посольства в Польшу. Во главе стрелецкого приказа (полка) участвовал в подавлении Московского восстания 1662. С 1669 возглавил Малороссийский приказ, с 1671 руководил одновременно Посольским приказом и другими центральными учреждениями.

ISBN 978-5-458-54579-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

ВВЕДЕНІЕ.

За послѣднее время историческая наука все больше и больше удѣляетъ силъ и мѣста изученію роли личности въ исторіи человѣчества, что, съ нашей точки зрѣнія, особенно цѣнно, такъ какъ это явленіе можетъ очень способствовать правильному и всестороннему анализу научнаго матеріала какъ въ его сыромъ, такъ и критически разработанномъ видѣ, а это, въ свою очередь, поведетъ къ болѣе или менѣе безошибочной оцѣнкѣ значенія отдѣльныхъ эпохъ, съ одной стороны,—всеобщей исторіи, съ другой,—мѣстной исторіи любой національности.

Такой задачей объясняется отчасти выборъ нашей темы, и развитіе ея въ формѣ исторической монографіи «Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ»—представляется для насъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что изученіе этой высоко-культурной и талантливой личности должно ввести насъ въ эпоху «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича, познакомить съ ея основными культурно-политическими теченіями и такимъ образомъ опредѣлить роль XVII вѣка въ прогрессивномъ развитіи историческаго процесса Россіи. При этомъ мы не будемъ увлекаться индивидуально-психологическими построеніями, и можемъ изучать личность Артамона Матвѣе-

ва и его государственную дѣятельность только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это лицо тѣсно связано съ общей исторической жизнью своей эпохи. При разработкѣ даннаго вопроса мы будемъ руководствоваться взаимодействіемъ двухъ допустимыхъ въ нашей работѣ методовъ: съ одной стороны — индивидуально-психологическаго, съ другой — критико-историческаго; и благодаря этому мы, можетъ быть, избѣжимъ тѣхъ ошибокъ при оцѣнкѣ историческихъ фактовъ, которыя часто являются результатомъ односторонняго приложенія перваго или втораго изъ этихъ методовъ. Не трудно указать примѣры для подтвержденія послѣдняго: вспомнимъ, въ какомъ положеніи находится изученіе одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русской жизни — царствованія Іоанна Васильевича Грознаго. До тѣхъ поръ пока историки-ислѣдователи, увлекаясь познаніемъ типичной личности этого оригинальнаго и единственнаго въ своемъ родѣ русскаго царя, сосредоточивали научное вниманіе почти исключительно на психикѣ и личныхъ проявленіяхъ этого человѣка, а ими уже старались объяснять историческія явленія эпохи XVI в., ¹⁾ до тѣхъ поръ послѣдняя въ глазахъ изслѣдователя не имѣла никакого серьезнаго смысла и представлялась ему совершенно одинокой, вырванной рукою тирана изъ общей цѣпи культурно-историческаго процесса; къ такому выводу приходили тѣ, которые видѣли въ Іоаннѣ Грозномъ только темную историческую личность, съ деспотическимъ нравомъ, унаслѣдованнымъ отъ татарскихъ хановъ, и съ грубо-эгоистическими наклонностями ненормально развившагося человѣка. Другіе же историки, доброжелательствовавшіе трагической личности Грознаго, энергично отстаивали и обѣляли какъ самого царя, такъ и его эпоху. И только

---

¹⁾ Царствованіе Іоанна Грознаго обнимаетъ собою время отъ 1538—1584 года, т. е. большую часть центральныхъ годовъ эпохи XVI в., что въ связи съ особеннымъ значеніемъ этого царствованія и даетъ намъ возможность говорить о немъ, какъ о цѣлой эпохѣ.

тогда, когда стали появляться научныя работы по эпохѣ XVI в., создатели которыхъ шли правильнымъ путемъ при изученіи историческаго матеріала, избѣгая крайностей какъ одного, такъ и другого метода, царствованіе Іоанна Грознаго получило должное освѣщеніе, и былъ оцѣненъ историческій смыслъ этой эпохи: изъ за «дѣны» внѣшней, показной жизни, самымъ существеннымъ нервомъ которой была причина съ ея жестокими и грубыми представителями «кромѣшниками» или опричниками, вскрылась будничная, здоровая работа этого, на первый взглядъ, кроваваго и безъидейнаго времени, преслѣдовавшая общегосударственные и народныя интересы (реформа мѣстнаго управленія, реорганизація военно-служилаго класса, дѣятельность земскихъ соборовъ и т. д.); и даже сама опричина стала разсматриваться, какъ глубоко-осмысленный институтъ политики Грознаго ¹⁾.

Интересъ же изученія эпохи XVII в. объясняется слѣдующими соображеніями: царствованіе Алексѣя Михайловича (1645—1676), а слѣдовательно и дѣятельность выдающейся государственной личности этого времени Артамона Матвѣева—совпадаютъ съ тѣмъ сложнѣйшимъ и полнымъ разнообразія моментомъ русскаго историческаго развитія, который удачнѣе всего назвать переходнымъ, такъ какъ въ этотъ періодъ особенно ярко обнаруживается еще не опредѣлившаяся борьба самыхъ противоположныхъ культурно-историческихъ силъ: мирное развитіе государственнаго начала идетъ параллельно съ внутренними и внѣшними неурядицами жизни; старыя пережитки до-реформенной, патриархально-религіозной Руси, глубоко пустившіе корни въ большей части общества, уживаются и вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствуютъ новымъ культурно-политическимъ вѣяніямъ сознательной группы передовыхъ людей; развивается

---

¹⁾ «Очерки по Исторіи Смуты» С. О. Платонова. Глава объ опричинѣ.

сложная и послѣдовательная система новыхъ дипломатическихъ отношеній, но въ приложеніи къ дѣйствительности часто принимаетъ совершенно неожиданный характеръ, подъ вліяніемъ чрезвычайной подвижности и напряженности реальныхъ факторовъ жизни. Кромѣ того, изученіе этой эпохи имѣетъ и научно-утилитарное значеніе: всестороннее изслѣдованіе самыхъ детальныхъ вопросовъ царствованія Алексѣя Михайловича можетъ способствовать вскрытію тѣхъ еще неясныхъ и недостаточно изученныхъ явленій его, которыя доказываютъ органическую связь XVII в. какъ съ предшествовавшей исторіей нашего народа, такъ и съ «Императорскимъ» или «Петербургскимъ» періодомъ, начинающимся съ преобразовательной эпохи Петра Великаго; послѣднее же должно содѣйствовать правильному уясненію происхожденія и развитія тѣхъ реформъ первой четверти XVIII вѣка, которыя повели Россію по новой культурно-исторической дорогѣ и помогали ей наши достигать удовлетворенія въ обще-человѣческихъ инстинктахъ и ясно сознанныхъ запросахъ духа.

До преемственной связи культурной реформы Петра Великаго съ тѣмъ сильнымъ общественнымъ броженіемъ XVII вѣка, подъ вліяніемъ котораго передовые люди того времени ясно сознавали необходимость переменъ, пробовали вводить ихъ, спорили за нихъ, искали новыхъ путей, тянулись къ Западу и тѣмъ самымъ предугадывали, что новый путь въ сближеніи съ Западомъ,—до этой связи русская историческая наука дошла постепенно. Уже въ XVIII вѣкѣ историковъ-изслѣдователей (кн. Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ) начинается интересоваться взаимоотношеніе эпохи реформъ и до-реформенной, но ихъ выводы еще очень примитивны и смутны: темнымъ сторонамъ своего вѣка они противопоставляютъ свѣтлыя стороны до-Петровской Руси; они рѣшаются критиковать Петра Великаго и, хотя не развѣнчиваютъ этой мощной личности, однако признаютъ его реформу односторонней, привившей намъ много хорошаго со

стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнявшей у насъ много своего хорошаго. Первую научную оцѣнку дѣятельность преобразователя получаетъ у Карамзина; отношеніе послѣдняго къ Петру—отрицательно: признавая Московское государство основнымъ и національнымъ центромъ русскаго историческаго развитія и прославляя другого историческаго дѣятеля Іоанна III, какъ создателя единаго государственнаго начала въ Московской Руси, онъ вооружается противъ Петра Великаго и нападаетъ на него за насильственную (якобы) и рѣзкую ломку стараго быта русской природы. Въ первой половинѣ XIX вѣка въ русскомъ обществѣ особенно сильно пробуждается общественное самосознаніе, рядомъ съ этимъ крѣпнеть и развивается философское образование; какъ одно, такъ и другое способствуетъ зарожденію особеннаго интереса къ нашему прошлому и желанію знать общій ходъ русскаго историческаго развитія. Тридцатые и сороковые (30—40) года этого вѣка выдвигаютъ два философскихъ кружка съ цѣльнымъ историческимъ міросозерцаніемъ; мы говоримъ о западникахъ и славянофилахъ. Какъ тѣ, такъ и другіе всецѣло воспитались и развились на германской метафизикѣ XIX вѣка, и особенно метафизической системѣ Гегеля о міровомъ духѣ, что ихъ взаимно сближаетъ; ихъ же отношенія къ русской культурѣ діаметрально противоположны: если для западниковъ германско-протестанская цивилизація есть послѣднее слово мірового прогресса и потому славянское племя не принадлежитъ къ историческимъ, то для славянофиловъ наоборотъ совершенно ясно, что славянская культура вполне самобытна и возстановленіе ея національныхъ началъ, порванныхъ насильственной реформой Петра Великаго, приведетъ къ преобладанію славянской культуры надъ Германской. Въ связи съ этимъ основнымъ различіемъ философско-историческаго міросозерцанія западниковъ и славянофиловъ стоятъ и ихъ односторонне-крайніе взгляды на эпоху преобразованій: западники совершенно не признаютъ

историческаго развитія за до-Петровской, Московской Русью; послѣдняя въ ихъ глазахъ—страна варварская, «азиатская»¹⁾, и только Петръ Великій своей реформой приобщилъ ее къ гуманной цивилизаціи и создалъ ей возможность прогресса; славянофилы же стоятъ на другой крайности: только въ исторіи Московскаго періода видятъ они органическое развитіе самостоятельной и здоровой культуры русскаго народа, съ реформой же Петра это правильное теченіе жизни пошло по ложной дорогѣ заимствованій. Такимъ образомъ, ни западники, ни славянофилы не могли уловить той органической связи XVIII в. съ семнадцатымъ (XVII), о которой мы уже говорили: какъ тѣмъ, такъ и другимъ мѣшала близорукость неисторическаго глаза. Только во второй половинѣ XIX-го вѣка, благодаря научной работѣ историко-юридической школы и особенно трудамъ двухъ ея видныхъ представителей и создателей профессоровъ Московскаго Университета С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина²⁾ была правильно оцѣнена преобразовательная эпоха: по мнѣнію послѣднихъ, Петръ Великій окончательно установилъ государственный порядокъ Россіи и своими реформами отвѣчалъ на требованія національной жизни, которая къ его времени подготовилась уже къ культурнымъ формамъ бытія, такъ что его дѣятельность вытекала изъ исторической необходимости и была вполнѣ національна. Такимъ образомъ, наконецъ, была установлена связь реформъ Петра съ эпохой XVII в., но она до тѣхъ поръ оставалась только логической, пока не былъ изученъ и изслѣдованъ тотъ фактическій матеріалъ обѣихъ эпохъ, который способствовалъ тому, что эта связь изъ логической перешла въ реальную. Современныя осторожныя и правдивыя изслѣдованія

---

¹⁾ См., напр., Бѣлинскій. Его статья по поводу Котошихина (сочин. т. IV).

²⁾ Впрочемъ уже въ концѣ сороковыхъ (40) годовъ эту связь Петровской эпохи съ прошлымъ уловилъ чутьемъ Погодинъ, но онъ могъ высказать свои мысли только въ 1863 г.

XVII вѣка прибавляютъ все новый и новый матеріалъ и укрѣпляютъ достовѣрность послѣдней связи; а если еще повторяются иногда отрицательныя отношенія къ эпохѣ Алексѣя Михайловича¹⁾, то ихъ можно считать случайными ошибками славянофило-западническихъ пережитковъ. Въ русскомъ обществѣ еще не вполне ясно и сознательно отношеніе къ реформѣ Петра и западной цивилизации: въ немъ и теперь встрѣчаются лагери quasi-западниковъ и quasi-славянофиловъ; и въ большинствѣ случаевъ причину этого нужно искать въ недостаткѣ теоретической, строго-научной подготовки. Всѣ эти соображенія лишній разъ подчеркиваютъ особенную важность изученія XVII вѣка и желательность работъ въ такомъ направленіи.

Эпоха Матвѣева.

Еще во время самаго сильнаго движенія преобразованій Петра Великаго князь Яковъ Долгорукій сравнивалъ дѣла Алексѣя Михайловича съ дѣлами Петра и говорилъ послѣднему: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей—три: первое, внутренняя расправа, и главное дѣло ваше есть правосудіе—въ семъ отецъ твой болѣе, нежели ты сдѣлалъ»²⁾. Такое мнѣніе хотя и страдаетъ преувеличеніемъ и чрезмѣрной идеализаціей «тишайшаго» царя, однако заключаетъ въ себѣ глубокой историческій смыслъ.

---

¹⁾ Напр., Бѣловъ: «Русская Исторія до преобразованій Петра». Въ своемъ трудѣ почтенный изслѣдователь не особенно одобрительно относится къ эпохѣ Алексѣя Михайловича и ея важнѣйшимъ дѣятелямъ, напр., Артамену Матвѣеву; чрезмѣрно идеализируетъ личность Іоанна Грознаго, а также время послѣдняго и, оставляя XVII в. въ сторонѣ отъ культурно-историческаго прогресса Россіи, искусственно связываетъ политику Грознаго съ дѣятельностью Петра Великаго.

²⁾ См. «Статьи по русской исторіи» С. О. Платонова. Изд. Суворина. 1903 г. Стр. 49. («Царь Алексѣй Михайловичъ»).

Ни одно царствованіе, какъ Алексѣя Михайловича, не было такъ обильно внутренними неурядицами и массовыми беспорядками, вызывавшимися неудовлетворенностью самыми разнообразными явленіями общественнаго строя въ XVII вѣкѣ. Въ началѣ лѣта 1648 года въ Москвѣ произошло открытое народное волненіе, вызванное ненавистью къ ставленникамъ царскаго тестя Ильи Даниловича Милославскаго—начальнику Пушкарскаго приказа Траханіотову и судѣ Земскаго приказа Плещееву; это броженіе было подавлено вмѣшательствомъ въ дѣла самого царя, который обѣщалъ народу правосудіе и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ необходимымъ отослать временщика Морозова изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь, а Траханіотова и Леонтія Плещеева казнить¹⁾. Въ связи съ московскими волненіями стоятъ беспорядки въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ въ іюлѣ того же года, вызванные возбужденіемъ толпы противъ подъячихъ Ѳеодора Приклонскаго (въ Сольвычегодскѣ) и Михайлова (въ Устюгѣ) за вымогательство у народа денегъ жестокимъ правожемъ²⁾. Несмотря на Уложеніе 1649 г., составленіе котораго значительно было ускорено реальными фактами времени и главнымъ образомъ общей неудовлетворенностью старыми нормами жизни, вылившеюся въ только что описанные беспорядки, несмотря на участіе въ составленіи новаго кодекса выборныхъ земскихъ людей, сѣхавшихся на соборѣ изъ 120 городовъ и оставившихъ слѣдъ самостоятельной работы въ нѣкоторыхъ статьяхъ Уложенія, уже на 6-ое января 1649 г. москвичи ждали новыхъ беспорядковъ. Но волненія повторились только черезъ годъ, въ началѣ 1650 г., и при томъ не въ Москвѣ, а во Исковѣ и Новгородѣ, гдѣ населеніе бунтовало противъ администраціи и особенно Морозова съ его «пріятелими—нѣмцами»; здѣсь

---

¹⁾ См. исторію этихъ волненій. С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнихъ временъ». Изд. С.-Петербургъ. 1860 г. Т. X. Стр. 153—156.

²⁾ Id. 161—165.

мятежи «гилевщиковъ»¹⁾ отличались большой напряженностью и правительство подавило ихъ только, послѣ цѣлаго ряда усилій. Когда изъ-за Малороссіи въ 1654 году Россія втянулась въ войну съ Польшей, московскому правительству пришлось прибѣгнуть къ экстренной финансовой мѣрѣ, чтобы восполнить недочеты казны: въ 1656 году бояринъ Ртищевъ предложилъ проектъ, состоявшій въ томъ, чтобы чеканить мѣдныя деньги одинаковой формы и величины съ серебряными и выпускать ихъ по одной цѣнѣ съ ними; но эта мѣра привела къ страшному финансовому кризису, который не трудно представить себѣ, если вспомнить, что уже въ 1663 г. за 100 сер. рублей не брали и 1500 мѣдныхъ. Этотъ кризисъ рядомъ съ злоупотребленіями должностныхъ лицъ (особенно Милославскихъ) и развившейся тайной поддѣлкой монеты привелъ народъ къ крайнему обнищанію и разрѣшился новымъ открытымъ бунтомъ въ Москвѣ (1662 г.), когда народъ шелъ толпою къ царю въ Коломенское просить управы на бояръ; мятежъ былъ усмирень только военной силой, а мѣдныя деньги отмѣнены въ 1663 году²⁾. Наконецъ, съ 1669 года начался извѣстный всѣмъ бунтъ Стеньки Разина, подъ знаменемъ движенія котораго пошла вся «гдлытьба», искавшая случая погулять на чужой счетъ, вмѣстѣ съ недовольными общественнымъ порядкомъ крестьянами и холопами; бунтъ этотъ охватилъ всю Волгу отъ Астрахани до Симбирска и былъ подавленъ только тогда, когда неустрашимый заправила его былъ схвачень старыми казаками, отвезень въ Москву и казненъ (въ 1671 г.). Прибавимъ ко всему этому расколъ, какъ результатъ церковной реформы, съ явнымъ образованіемъ фанатической религіозно-обрядовой оппозиціи, которая рѣзко проявлялась какъ въ Москвѣ,

---

¹⁾ С. М. Соловьевъ.

²⁾ С. Э. Платоновъ: Лекція. Стр. 319, 320. Соловьевъ: «Исторія Россіи съ древнихъ временъ». Лаппо-Данилевскій: «Организація прямого обложенія» и пр.

такъ и другихъ городахъ (напр., во Владимірѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Муромѣ и т. д.) и закончилась извѣстнымъ соловецкимъ возмущеніемъ противъ «новинъ», подавленнымъ только въ 1676 году,—и картина внутренней шатости въ Московскомъ Государствѣ второй половины царствованія Алексѣя Михайловича получить опредѣленную округлость и яркость.

Если бы историкъ собралъ всѣ эти факты царствованія Алексѣя Михайловича и на нихъ исключительно строилъ свои выводы относительно всей эпохи, то онъ долженъ былъ бы сказать: это — темное время, въ которое не было рѣшительно ни одного здороваго направленія, въ которое дезорганизация государства дошла до самыхъ крайнихъ предѣловъ, и общество не видѣло ничего впереди, что бы могло ручаться за дальнѣйшій прогрессъ русскаго народа. Но въ томъ-то и дѣло, что было нѣсколько иначе: рядомъ съ этой дезорганизацией, съ которой правительство напряженно боролось, во второй половинѣ XVII в. ирѣпинетъ и развивается государственное начало, основанное на благѣ всего народа. Кромѣ зоркаго глаза самыхъ энергичныхъ государственныхъ дѣятелей, глубоко понимавшихъ идею общественнаго блага и проводившихъ ее въ жизнь ¹⁾, послѣднему, по удачному замѣчанію С. М. Соловьева, много способствовало то обстоятельство, что всѣ внутреннія неурядицы въ государствѣ, а равнымъ образомъ внѣшнія войны почти никогда не приходились на одно и то же время, такъ что правительству уже не такъ трудно было справляться со всѣми опасными явленіями жизни (несмотря на ихъ очень значительное количество). Въ нашу задачу совершенно не входитъ выясненіе всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ мѣропріятій правительства (Уложеніе, церковныя реформы, зейскіе

---

¹⁾ Въ число этой группы не входятъ, конечно, временщики эпохи, въ родѣ Морозова, Милославскихъ и др., снискавшихъ въ народѣ грустную популярность.